

ОБ ЭКСПРЕССИИ ЗВУКОВ

В. ТОМАНОВИЧ

Хотя необычайность звуковой формы слова и привлекает внимание, а звонкость и гармония звуков создает приятную импрессию у слушающего, всё же представление об их природе и функции было бы неполным и неверным, если бы при исследовании экспрессивность смешивалась с необычайностью и пустой гармонией звуков, без какой-либо связи с содержанием.

Факт, что в разных языках в известной мере употребляются различные элементы фонологической экспрессии, а подчас один и тот же звук придает слову в одном случае одну, а в другом другую эмоциональную окраску, например, смягченный звук в одном случае гипокористическую, а в другом пейоративную, мог бы при поверхностном наблюдении повлиять на понимание связи между значением и звуком как произвольной и случайной и привести таким образом к недооценке её.

Такому взгляду способствовало бы и неучитывание различия фонетических систем отдельных языков и их истории, как и выпущение из виду факта, что музыкальное выражение в слове выступает вместе с его интеллектуальным значением, выражая, как отражение мимического выражения, лишь одну из особенностей высказываемого объекта мышления или один из компонентов мимического выражения чувства (в упомянутом случае ослабление мышц посредством перенесенной на голос ослабленной артикуляции), из чего следует, что исполняет функцию, подобную функции качественного имени прилагательного или наречия; вследствие чего может относиться к различным понятиям, а потому находится и в словах, вызывающих различные чувства. Мягкое мимическое выражение может, как и прилагательное „мягкое“, обозначать свойство нежных объектов, нежные чувства, но также и свойство гнилых, гнойных материй в разложении, затем дряблых, худосочных живых существ и т. п., как и мимическое выражение чувства брезгливости, отвращения.

Ударение слова становится экспрессивным только постольку, поскольку ради экспрессии отклоняется от шаблона. Среди следов старой, прежней экспрессии кроме вокатива *páter* < *patēr* и др., W. Wundt, *Die Sprache*, можно привести и сербскохорватский пример *дче* — *отѡц* (лит. *дѡац*). Наряду с примером латинского императива *dic, duc, fac*, O. Jespersen,

Die Sprache, без конечного -е, императив в славянских языках без конечного -и, нир. поль. *nieś*, сербскохорв. екср. *иде, реч, носѝ*, лит. *идси* и др. Наряду с греческим *τροπέω, τροπάω*, слав. *nesq, nositi, naša.ti* < *nōsjati. Год. сборник фил. фак., Скопье, 1960 г.

Интонация вопросительного междометия *э* или *а* одинакова в главной характеристике с ударением вопросительного предложения, таким образом и из этого видна их общая принадлежность к фонетической экспрессии. И когда в вопросительном предложении находится вопросительное местоимение, и тогда оно произносится с вопросительной интонацией. Мимическое выражение ожидания при вопросе настолько сильно, что его отражение на высказываемом не может отсутствовать. В старогреческом языке акут вопросительных местоимений *τίσ?* кто? *τί?* что? и тогда, когда находится в позиции, в которой должен был бы измениться в гравис, оставался, как единственное отступление от правила, всегда неизменным. Тут акцентная интонация не подчинилась фонетическому правилу, вследствие своей экспрессивной функции.

Вследствие их общего свойства давать непосредственное выражение, фразовым музыкальным выражением охвачены и составляют с ним одно целое все музыкальные элементы (тон, тембр, динамика, ритм и темп), невзирая на то, выражают ли они чувства, волю или же исполняют какую-либо логическую функцию, и лишь тогда, когда они рассматриваются таким образом — целостно, они нам представляются в своей действительной и полной функциональной ценности.